

ИЗ КНИГИ «СОКРОВЕННОЕ» (1996)

Бежит перо, за мной не поспевая,
ни отдыха, ни отклика не зная,
ни будущей судьбы своей строки...
Прими, читатель, этих строчек ересь,
не отшатнись, всецело мне доверяясь,
и полюби и за, и вопреки.

Содержание

	Стр.
Между строк	1-17
Грустное счастье	17-28
Анатомия любви	28-41
Боготпротивные стихи	41-43
Родина крошечная моя	43-52
Жизнь, которая мне снилась	52-58
Стихи о тебе	58-63

МЕЖДУ СТРОК

Прочитайте меня как строку между строк,
как прозрачный намёк, молчаливый упрёк.
Как открытая книга — ладони у лба —
нараспашку пред вами душа и судьба.
Незатейливый слог и нехитрый сюжет,
ничего в ней такого особого нет.
Незаметен неброский её переплёт.
Я писала ту книгу всю жизнь напролёт.
Все слова её немые и строчки слепы.
Не вместить ей несжатого поля судьбы.
Лист дрожит на ветру, как пустое жнивье.
Ваши пальцы ещё не касались её.
Что там дальше? Разлука? Счастливый конец?
Или выжженный пепел разбитых сердец?..
Будет сказка банальной, классической грусть.
Пусть известно заранее всё наизусть,
я пишу, не жалея страниц о любви,
слов, нашёптанных Богом, забытых людьми,
полных шёпота леса и жара огня...
Прочитайте, поймите, простите меня!

Пишу среди трезвого белого дня
при памяти и при рассудке.
Примите скорее избыток меня.
Смертельно — когда ещё сутки.

Не думайте, бес поселился в крови
затем, что пишу по весне я.
Нет, это не объяснение в любви.
Скорее, в судьбе объяснение.

Простите, что я — в нарушение преград...
Писать — что врываться без стука.
Но Вы — мой вершинный заоблачный брат,
а это — единственной друга.

Давно не участвую в жизни своей,
живу за какою-то гранью.
Но слышу, как ветер тугих скоростей
стучится предутренней ранью.

Меня прибывает, как к берегу, к Вам
в любые года и погоду.
И я все стихии на свете отдам
за эту мою несвободу.

Я сердцем вросла в это русло в тиши,
в прокрустово ложе — без хруста...
Но что-то всё рвётся с пера и с души,
избыток какого-то чувства.

О музыка, поэзия, нирвана!
В порывах ветра, сумерках, дожде...
Как обещание земли обетованной,
которой нет и не было нигде.

Я вспомню всё, что не со мною было:
как утро робко бредило во мгле,
как, запрокинув голову, любила,
на цыпочках ходила по земле.

Я не прошу о нежности нездешней,
я обращаюсь к Вашей высоте.
Ведь Вы — моя последняя надежда
на ту меня, которой нет нигде.

Я не расслышала, что Вы сказали —
не повторяйте, молю.
Чудится эхом в пустующем зале
то, что хочу и люблю.

Не повторяйте мне истину снова,
пусть лучше я обманусь.

Пусть мне домнится, доснится то слово,
пусть никогда не проснусь!

Что Вы сказали?.. Но это не важно.
Истина — яд или лёд.
Пусть лучше ветер и дождик доскажет
и соловей допоёт.

Колокольный звон печалится.
Сердцу и хмельно, и больно.
Песня длится, не кончается —
беспредметна, безглагольна.

Как луч света среди морока —
эта малость, эта милость.
Почему-то сердцу дорого
только то, что не случилось.

Вам откроет в утро раннее
всё, о чём я промолчала,
эта песня без названия,
без конца и без начала.

Пусть когда-то в Лету канет всё,
но покуда сердцу биться —
навсегда со мной останется
то, что с нами не случится.

Моя несудьба и невстреча,
чужой, непохожий, ничей...
Чем северней взгляды и речи —
тем строки мои горячей.

В них то, что Вам знать не пристало —
изнанка души, потроха...
Ценил Мандельштам — я читала —
лишь дикое мясо стиха.

Скажите мне слова, что мне — одной,
что никому ещё не говорили.
Пусть будут они жалобной струной
иль тишиной на шелковистых крыльях.

Пред ними даже музыка мертва,
пред ними даже звёзды — вполнакала.

Скажите мне особые слова,
которых я ни разу не слыхала.

От них доходит свет сквозь толщу лет,
от них и льды полярные тают.
Скажите мне слова, которых нет.
Мне очень их на свете не хватает.

Вновь мои заоблачные бредни
Вас окликнут розово в тиши.
Мой ночной безмолвный собеседник,
равнодушный друг моей души!

О, велик соблазн ночного часа...
Много в нём увидеть суждено.
Мгла легла — и звёзды залучатся.
Жизнь ушла — и обнажится дно.

Я привыкла издавна к разлуке.
Я в ней поселилась, как в дому.
Простираю в неизвестность руки
и пишу неведомо кому.

И не променяю на живую
жизнь ночную, что в себе ношу.
Я пишу — и, значит, существую.
Я живу — и, значит, я пишу.

Это азбука без букв, музыка без нот.
Это сердца на бегу потайной бормот.

Это мостик из огней, ниточка и связь,
то, к чему в потоке дней не пристанет грязь.

Это песни естество, долгая педаль.
Это сердца твоего родственная даль.

Кто был слеп, а кто был зряч — узнаёшь к утру.
А душа душе — не врач, а тяжёлый труд.

На висках не затихнуть пальцам,
робость нежностью заглушив...
Не пробиться под твёрдый панцирь
инородной родной души.

Словно месяца однобокость
видит око, да зуб неймёт.
Одинакова одинокость
душ, деревьев, ночных комет.

И любви, что стучит напрасно,
освещает замёрзший след
несмотря ни на что — прекрасный
запрещающий красный свет.

Вы не такой, как мечталось — не лучше, не хуже –
просто иной.
Мне показалось, что стало чуть-чуть расстояние уже
между Вами и мной.

Кажется, скоро оно и совсем растает,
и до руки
чтоб дотянуться, лишь шага всего не хватает
или строки.

Вы прозвучали мне нотой доверия,
и отворяю средь ночи и дня
сердце своё нараспашку, как двери я.
Не покидайте Духом меня.

Всё понимаю, увы, с полуслова я –
шёпот деревьев, воды и огня.
Старая песня сегодня как новая.
Не покидайте Духом меня!

Вальс-листопад, а за ним белый танец свой
выдаст зима, пируэтом маня.
Мы никогда, никогда не расстанемся?
Не покидайте Духом меня.

В душе моей утешенной
покой и тишина.
Там угол занавешенный,
где я всегда одна.

Ночное это таинство
ничей не видит взор.
Из слов и снов сплетается
причудливый узор.

Как мина, сердце тикает,
окутывает мгла...
Скажи мне что-то тихое
для этого угла.

Слезится улицы лицо,
мигают фонари.
Покров дождя на вид свинцов,
серебрян изнутри.

Так строгий взгляд любовь таит,
маня голубизной.
Земля, холодная на вид,
беременна весной.

Чуть тлеет сердца костерок,
но в нём — миллионы ватт!
И тайный маленький мирок
вселенною чреват.

Я ищу магическое слово,
что тебя могло бы разбудить.
Точно гамму, повторяю снова,
всё пряду невидимую нить.

Повторяю, точно дождь по крыше,
лепетную летопись любви.
Знаю, будет голос не услышан
ни тобой, ни Богом, ни людьми.

Так во сне кричим мы что есть мочи —
но никто не слышит этот ор.
Дождь стихи какие-то бормочет,
напевая мне их в ре-минор.

Между адом — раем выбираем,
обхватив пылающие лбы.
Чёрный ангел крылья простирает
над клавиатурою судьбы.

У всего есть предел:
в том числе у печали.

И.Бродский

У моей печали нет предела.
Там царит полнейший беспредел.

Тонет в звуках нечленораздельных
и в хитросплетеньях душ и тел.

Ночь. Фонарь. Я разобью плафоны,
закричу на весь небелый свет:
«Неужели только в телефонной
книге вы отыщете мой след?!»

Уши душ обложены как ватой
облаков в сыром тумане дня...
Я кричу. И я не виновата,
если вы не слышите меня.

Не стихи, а жалобная книга.
Мерно кружат жизни жернова.
В ожиданьи творческого мига
бродят беспризорные слова.

В этот раз природа промолчала,
нужных слов для сердца не найдя.
Никакой надежды не звучало
в похоронной музыке дождя.

В облаках, безжизненных, как вата,
как в душе, где пусто и темно –
осени намёк холодноватый
на весну, что минула давно.

Опускаю веки, словно шторы, –
не хочу я видеть этот день,
и речей, что выросли из сора,
ощущать пустую дребедень.

Нам бы объяснить на наречьи –
как там у поэта? – «Скрым-тым-ным...»
Наше междуречье. Междувстречье
между этим светом и иным.

В памяти окно протаю снова:
заструится поднебесный свет,
и увижу мальчика родного
в человеке неизвестных лет.

Так, бывает, в улице нездешней
вдруг узнаешь прошлого черты,
будто бы в далёкой жизни прежней
здесь уже жила однажды ты.

Школьный вспомнился урок,
буковки косые.
Дождик мечет жемчуг строк,
бусинки босые.

Ветер треплется слегка,
и совсем не грубо
дождик — только он пока —
мне целует губы.

Что останется в залог?
Точка — запятая?
Этот светлый жемчуг строк,
песенка простая?

Весна началась не ростком, не цветком,
не звоном ручьёв, переполнивших чашу,
а первым твоим телефонным звонком,
как гром среди неба, во мне прозвучавшим.

Я радость свою отложу на потом,
замедлю печали глоток родниковый.
А может быть, нам и закончить на том?
И больше ни вздоха, и больше ни слова...

Глаголов не люблю: они так грубы.
«Томлюсь», «пылаю», «мучаюсь», «хочу».
Как будто бы одни сплошные губы,
что задувают тихую свечу.

Моя любовь легка и безглагольна,
как летний одуванчик золотой.
Не потревожит звоном колокольным,
не оскорбит невольной прямою.

Но коль к тебе когда-нибудь, мой мальчик,
на помеле глагола прилечу —
задуй меня, как этот одуванчик,
как трепетно горящую свечу.

За тридцать земель живу от сказки
про принцев и Емель.
От Вашего тепла, от Вашей ласки
за тридцать земель.

Не тронутые Вашими руками,
безмолвны и тихи,
грустят, так и не ставшие грехами,
греховные тихи.

Никогда не была я с Вами
на короткой ноге.
Начинённая лишь словами,
ухожу налегке.

Никогда не подам я вида,
буду кроткой вполне,
принимая от Вас обиды
на короткой волне.

Говорят, что есть они, флюиды,
от виска к виску.
Что же Вы не слышите обиды
и мою тоску?

Если есть и вправду биополе,
импульсы в крови,
отчего не чувствуете боли
и ожог любви?

Если б биотоки эти были –
верят, дурачки! –
Вас бы так они испепелили,
что осталась только б горстка пыли,
ручка да очки.

Ваши речи взвешены,
голос осторожен.
Огорожен вешками
множества таможен.

Все ходы просчитаны –
дальновидный лоцман!
Окружён защитой
от пустых эмоций.

Это небо с парусом,
эти сосны-ели –
всё могло быть радостным,
если б захотели.

Этот отсвет утренний
стал бы нашей грустью...
Только цензор внутренний
в душу не пропустит.

Боязно и совестно
на пути в нирвану.
Мой солдатик доблестный
с сердцем оловянным!

Эта статья державная
за глухим забралом...
Но сраженье главное
в жизни проиграл он.

Вам хоть соври я, хоть умри я —
не распознаете, увы,
что всё лишь маска, мимикрия,
самозащита от любви.

Нет, не наитье, не соитье
моей владеют головой.
Ищу убежища, укрытья
от этой боли вековой.

Обезвреживаю Вас.
Каждый шаг и каждый час.
Обезвреживаю мины
Ваших глаз и Ваших фраз,
чтобы мимо, чтобы мимо,
а не в сердце, как сейчас.

«Было что меж вами или нет?» —
я не знаю, что таким ответить.
Были вёсны, сны, в окне рассвет.
Ночь была в молочном лунном свете.

В темноте души включённый свет
освещает этот мир постылый.
Было то, чего на свете нет.
Только это лучшее, что было.

Моя любовь — неизданная строчка,
строенье, что песочно и непрочно,
беззвучный выкрик, нота на бумаге,
огонь без жара и слеза без влаги.

Одушевьсь, осуществись на деле,
затепись свечкой, каплей солнца в теле,
не соком клюквы — алой кровью брызги
над этой сослагательною жизнью.

Смешенье будущего с прошлым...
И в эту кашу бытия —
как будто лук и перец вброшен —
судьба замешана моя.

С тех пор глаза на месте влаги.
Не расхлебаю кашу я.
Как бабочка к листу бумаги,
душа пришпилена моя.

В стихах живу я в полный рост,
а в жизни так не смею.
Душой тянусь до самых звёзд,
а телом не умею.

Обломки строф, как корабля —
свидетельства крушенья.
Не даст ни небо, ни земля
мне самоутешенья.

А шар земной — Содом, дурдом,
вращается в угаре.
Я балансирую с трудом,
как девочка на шаре.

Я всего лишь кустарь-одиночка
над огромной страной,
где моя одинокая строчка
натянулась струной.

И по ней — одержимая бесом,
чтоб кружило и жгло!
Я поэт нетяжёлого веса,
но мне так тяжело.

В наряд из слов благоуханных
ряжусь и в зеркало гляжусь.
И с каждой строчкою коханой,
как с торбой писаной, ношусь.

И даже строчку-страхолоду
лелею, холю и блюду.
Но что-то в этом есть от блюда –
словокупленья на виду.

Я не помню цвета Ваших глаз.
Помню голубой оттенок слова,
тихий отблеск серебристых фраз,
свет души сиренево-лиловый.

Чудится за ретушью ресниц
некая прохладная астральность...
Я не помню милых черт и лиц –
только звуко-образ и тональность.

«Живём лишь дважды», – Вы сказали,
как записали на скрижали.
И мне открылось: так бывает.
Две жизни каждый проживает.
Одну — земную и живую,
другую — тайно-теневую.
И я вдвойне сейчас живу,
как бы во сне и наяву.
То, что пребудет только снами –
навек остаётся с нами.
Мы задыхаемся от жажды
и в ту же Лету входим дважды.
Пять чувств, что миру не видны,
обнажены, обострены.
Молчит вода под гладью льда,
но ты живёшь, как никогда.
Две жизни... Разве это дело?
Одна — душе, другая — телу.
И обе мучают виной.
Две жизни — это ни одной.

У тебя — нерастрата, у меня — недостача.
Я плачу по счетам. Всё плачу я и плачу.

У одних замуровано сердце в копилке,
у других разворовано всё до крупинки.

Что больнее? Страшнее? Не знаю, не знаю...
Но душа — она тоже живая, мясная.

Даже если парите над облаками –
я прошу: не берите за крылья руками.

Своих судеб рифмуя нескладный подстрочник,
я молю: не сломайте душе позвоночник.

Вы мне сказали: «Тема закрыта».
Словно захлопнулась дверь.
Сердце разбито. Сиж у корыта.
Что тут попишешь теперь.

О почтальоны! Оставьте конверты.
Ставьте на сердце печать!
Можно о жизни. Можно о смерти.
Только о главном — молчать.

Заживо нежность в землю зарыта.
В стойло вернулся Пегас.
Вены не вскрыты. Тема закрыта.
Словно покойнику — глаз.

Я в мир себя бросаю, как перчатку,
как в пасть его оскаленную — кость.
Вся жизнь моя — сплошная опечатка,
и строчки в этой книге — вкривь и вкось.

Ношу в душе заношенное горе,
которое никак не изношу.
Застиранные слёзы спят во взоре,
и я их, как бокал, не осушу.

Печали запечатаю печатью,
но снова песня рот мне раздерёт.
Я в мир себя бросаю, как перчатку,
которую никто не подберёт.

На задворках души, где потёмки,
и куда не заглянет заря,
догорают осколки, обломки,
фосфорическим блеском горя.

Меня ранит предутренний холод,
небо сырости и янтаря.
И, как сердце, на части расколот
мир, куда не заглянет заря.

Ну как Вы живёте, отшельник и маг?
Ваш путь независим и строг.

Я сердце своё, как растрёпанный мак,
запрячу средь зелени строк.

Пусть щурится око и хмурится бровь,
и яро черкает перо.
Но не редактируется любовь!
Хоть это смешно и старо.

Как дань, как оброк, эти ворохи строк
ложатся Вам день ото дня.
Готова принять я суровый урок.
Судите, казните меня!

Ну как Вам живётся средь пыльных бумаг,
мой критик, судья, господин?
У ног Ваших сердце, как огненный мак.
А значит, и Вы не один.

Вы не вписались в круг моей любви.
Вас обошли её крутые рифы.
Мой теневой наперсник, визави,
из наших судеб не сложилось рифмы.

Подобье дружбы, нежности намёк,
надежды капля, пылкости пылинка,
и вот уже мерцает огонёк,
неверный и дрожащий, как былинка.

Вы где-то там, за скобками судьбы
остались, между строчек, между прочим.
Моя частица, став частицей «бы»,
отъединённость вечную пророчит.

В потёмки душ не проникает взор.
Но тщетно силюсь с жадностью взглянуть –
хоть щёлочку, хоть крохотный зазор,
где холодно чужое бьётся сердце.

Люблю, как в первый день творенья,
сквозь безъязычья птичий гам.
И бедное стихотворенье
несу к бесчувственным ногам.

Обрывки нежности неловкой,
осколки Спаса на крови.
Мир держится на недомолвках,
на ниточке моей любви.

Простите этих строк юродство,
о них споткнёшься, как о пни.
Я прячу в них своё сиротство.
Мне в Вашей холодно тени.

Пренебрегаемая Вами,
я остаюсь на берегу.
Но то, что было за словами
и между строчек — сберегу.

Ночь даёт обет молчанья
всем, кто слушает её.
Месяц зорко и печально
в сердце смотрится моё.

Жизнь погасла на экране.
Телефонный спит звонок.
В этом мире каждый ранен,
нелюбим и одинок.

Полуночное гаданье:
карты листьев по воде...
Обещание страданья
и свиданья на звезде.

Когда-нибудь планида, как планета,
вдруг повернётся под другим углом,
и неба неразменная монета
мне выпадет не решкой, а орлом.

Пока же маета пустого кросса,
надежды грош и медный звон беды,
и улиц искривлённые вопросы
и многоточий чёрные следы...

Грязные статейки в пафосе дурном.
Слякоть на страницах, слякоть за окном.

Переполнил дождик чашу эту всклень.
Пусть их поливают все, кому не лень.

Подставляю сердце под холодный душ
слов пустопорожних, чужеродных душ.

Закаляю сердце как литую сталь,
чтоб его не грызла лютая печаль.

Пусть его не тронет ржавчина тоски,
не растащут злые люди на куски.

Дождик плюёт и сморкается.
Ноги лакают слякоть.
Смерть — светодню. Смеркается.
Хочется пить и плакать.

Всё не во вкусе. Не в фокусе:
хмарево и неярко.
Насморк. Мигрень. Что проку в сём?
Да и вся жизнь насмарку.

Как рожки улитка, упрячу в себя
всё то, что несла на лице я.
Открыть не пытайтесь, по коже скребя,
мой панцирь, мою панацею.

Чтоб некуда плюнуть, сперва подманя,
там тайное логово зверя.
Стучите, кричите, зовите меня –
я вам никому не поверю.

Эта книга всё время меняет названье,
переплёт и тесненье, становится рванью.
Я её, как птенца, умещаю в горсти.
Я люблю между строк её слушать устало
шум вокзалов и стук уходящих составов...
В этой грусти по грудь, как в коросте, брести.

Это лишь отголосок, случайный набросок,
он курнос и наивен, невнятен и бросов,
но саднит этот вечный мотив, как нарыв.
И разъята душа, расколовшись на части,
из которых вовеки не сложится счастье,
никому до конца свою суть не раскрыв.

Я плачу за него самой чистой монетой –
Своей грешной душою небесного цвета
и слезами, что как дождевая вода.
И в неведомой миру мольбе и молитве
я бросаюсь в тебя, но не выживу в битве.
Эта линия жизни ведёт не туда.

Я тебе отворяю судьбу откровенно
и вливаю отраву в себя внутривенно.
Как горчит этот влажный протяжный глоток...

По-осеннему смерти прохладны ладони.
О продли мне, продли мне мученье агоний!
Но романс затянувшийся слишком жесток.

Сумерки сгущаются,
поглощая след.
День со мной прощается
или белый свет?

Месяц в небе корчится.
Пропадаю я
в бездне одиночества
и небытия.

Как страшно никому не верить,
ромашек лепестков не рвать,
души окованные двери
на стук чужой не открывать.

Страшнее, если их откроешь –
и будет некому войти.
Лишь ветер над пустою кровлей
закружит листьев конфетти.

Рисунок дня. Небрежный росчерк буден.
Заветный вензель на стекле судьбы.
Подарок фей. Кофейный штрих на блюде.
Что сбудется из этой ворожбы?

Ещё одна иллюзия издохнет.
Одною болью больше будет в срок.
Не сбудется судьба моя — и бог с ней.
Ведь главное — что было между строк.

ГРУСТНОЕ СЧАСТЬЕ

Какое-то грустное счастье,
какое бывает во сне...
Печаль своего непричастья
к цветенью, веселью, весне.
И тёмная наволочь неба,
укрывшая дымкой дома...
Былое, ушедшее в небыль,
как город в молочный туман.
Как будто уставшие кони
узнали внезапную тишь,

и время разжало ладони:
ты в гулкую пропасть летишь...

Забывтый плёс. Застывший лес.
Не верится, что было лето.
Опять повеяло с небес
порывом сердца несогретым.

Непроницаемый покров.
Хоть ручкой проколи бумагу –
не заменить чернлам кровь,
её живительную влагу.

И, целомудренно-мудры,
в полярном отрешенье круга
бездомные парят миры,
не обретённые друг другом.

Образ Ваш леплю я и малюю
на холсте души тайком, как тать.
Уходите — мысленно молю я,
чтоб о Вас могла я помечтать.

Мне не надо приторного лета
с его жарким и липучим ртом.
Слаще тайна смутного рассвета –
мятный поцелуй весны со льдом.

Дождинки ударялись оземь,
всё заштриховывая вкось.
Со мной осталась только осень,
как плач о том, что не сбылось.

Уже не ждём, уже не просим,
и боль не так уже остра.
Ну что ты, я не плачу вовсе.
То осень, дым её костра.

Закат окинул мир прощальным взором
и закатил кровавые белки...
А потутру заря, слиясь с простором,
опять прельстится облачным узором
и снова угодит в его силки.
Не так ли мы, с душою в рукопашной,
даём обеты: «больше никогда...»
Но время перепишет, перепашет,

и в тьме кромешной снова путь укажет
заплаканная юная звезда.

Одиночество

О, одиночество, как твой характер крут...

Б.Ахмадулина

За одиночество вдвоём, и за тебя я пью.

А.Ахматова

Одиночество есть человек в квадрате.

И.Бродский

Пью за всё, что в себе я убила
в зазеркалье несбывшихся дней.
Пью за всех, кого я не любила
и не встретила в жизни моей.

Как овал одиночества светел...
Пью и славлю его, возлюбя.
Я в твоём не нуждаюсь ответе,
я беру всю любовь на себя.

О луна, моя высшая почесть,
эталон золотого руна,
воплощение всех одиночеств,
я с тобою уже не одна.

Пусть не вспыхнет огонь из огнива,
и не высечь мне искр из кремня,
но со мной эти жёлтые нивы,
и они согревают меня.

О любви и тоски поединок,
луч зари, победивший во мгле!
Одиночество — это единство
со всем сущим, что есть на земле.

Осенний ноктюрн

Осенний лист упал, целуя землю.
Деревьев целомудренный стриптиз...
И все мы занимаемся не тем ли,
в какие мы одежды ни рядись?

Я изучаю ремесло печали,
её азы читаю по складам.
Усваиваю медленно детали
того, что неподвластно холодам.

Того, что неспособны опровергнуть
хорал ветров и реквием дождя,
того, что учит: если очень скверно,
ты улыбнись, навеки уходя.

Я приглашаю Вас на жёлтый танец,
прощальный вальс в безлиственной тиши.
И не пугайтесь, если Вам предстанет
во всей красе скелет моей души.

2

Сердца деревьев устилают землю,
собою укрывая тротуар.
Никто не замечает, не приемлет
их щедрый, не востребованный дар.

Они хрустят под нашими ногами.
Сгребает дворник их в ненужный ком.
И рыжее безжалостное пламя
их слижет равнодушным языком.

Вот так и Вы отклоните, зевая,
стихов моих пылающий угар.
Кому сейчас нужна душа живая?
Пустячный, нерентабельный товар.

Ах, не востребовал мой адресат
облако нежности душевной.
Тает ненужно оно в небесах,
ждёт его замок воздушный.

Снова письмо голубое пошлю -
это одно отзовется...
Я Вас по-прежнему жду и люблю.
Что мне ещё остаётся!

Если руку в душу запустить -
то она полна была бы Вами.
Пролегла невидимая нить
между рукавами, головами
призраком невыразимых уз
и родства, прочнейшего на свете.
Драгоценный, бесполезный груз...
Что теперь я буду делать с этим?

Не убивай меня — шепчу из сказки.
Я пригожусь тебе, как серый волк.
Пусть все принцессы будут строить глазки,
пусть в яствах царских ласк узнаешь толк,
пусть Бог тебя хранит и любит плотски,
своих даров швыряя дребедень,
но чёрный хлеб моей любви сиротской
я сберегу тебе на чёрный день.

Пью вино ледяное твоей нелюбви.
Улетает надежда со скоростью света.
Невидимка, пришелец, немой визави...
Говорю в микрофон, но не слышу ответа.

Эта тайна в себе ничего не таит.
Только рано ещё устанавливать точку.
Столько дела душе впереди предстоит:
и вздыхать по весне, и любить в одиночку...

Я не буду тебе говорить, что люблю.
В небеса отпускаю крылатую малость.
Пью вино и хмелею. И Бога молю,
чтоб хоть что-то на дне этой чаши осталось.

Гражданин, человек, прохожий,
я прошу, подожди, оглянись!
Я родство твоё чувствую кожей,
даже даль ощущая как близь.

Ах, мы все исключенья из правил!
В тихий час отлученья от дел,
пока нас ещё Бог не оставил,
пока трижды петух не пропел,

дай же волю мечте и печали.
Даже боли не прекословь.
А то Слово, что было вначале,
означало — так просто — любовь.

Словно штопор, всё выше и глубже,
наших душ мировая душа
неосознанно и неуклюже
продирается к небу, спеша.

Обман, ошибка, опечатка,
сон заблужденья золотой...

Мой чёлн давно уже отчалил,
а ты — за гранью, за чертой,

за дымкой грозового мая,
дождей косых и трав босых...
И жизнь уже не понимает
животворящий тот язык.

В последний раз без слёз и страха
прорву блокадное кольцо.
Из пустоты, из горстки праха
восстанет милое лицо.

Внимаю музыке печали
и вижу парус вдалеке,
и ощущаю, как вначале,
дыханье Бога на щеке.

Как повседневна жизнь.
А.Рембо

Два полюса земного бытия,
два края жизни: музыка и мука.
Мучительно их постигаю я -
божественную горькую науку.

«Как повседневна жизнь», – сказал француз.
Сказала б я: как пафосна рутина.
Заигранность фальшивая у муз,
а будни богоданны, как секстины.

Пусть сирый мир до ниточки продрог,
молитвой Богу боли не нарушу.
А из обломков радуг и дорог
построю вновь любовь, судьбу и душу.

Если мне чего-то не хватает -
звёзд сиянья, лепета листвы,
в чистом небе журавлиной стаи,
вспомню: у меня ещё есть Вы.

Постучусь душою в Вашу душу:
примете такой, какая есть?
Листопад стихов своих обрушу, -
в Вашу честь написанных не счесть.

Всё, о чём молчала дни и ночи,
откровеньем ляжет на песке.

Осень за окном о Вас бормочет,
шелестит на польском языке.

По-польски дружба так: «пшиязнь».
На «пшик» похоже и «приятель».
Банальна вечная боязнь
банальных слов, вещей, понятий.

Но лишь от них в душе свежо...
Я не ханжа — к чему лукавить,
но то, что мучает и жжёт,
пытаюсь в дружбу переплавить.

В себе так бережно ношу -
не расплескать бы каплю света...
Я с Вами так давно дружу,
а Вы не знаете про это.

Я Вам записывала музыку
и бардов слушала в тиши.
Не с плёночной дорожки узенькой -
снимала копию с души.

Слова простые, откровенные
Вам говорили о любви.
Казалась комната вселенною
и воздух плавился в крови.

Магнитною дорожкой узкою
от сердца к сердцу шла стезя,
и за меня прощала музыка
всё то, чего прощать нельзя.

И мне казалось — радость полнится,
переливаясь через край.
И мне мечталось — всё исполнится,
и на земле наступит рай.
О музыка, играй, играй!

Под хруст листвы выслушиваю грусть.
Земля права в прощальной укоризне.
О нежности несомременный груз!
Тебя, как крест, несу по жизни.

Не трепетный — затрёпаный комок.
Не в кружевах — в лохмотьях нищих рубищ.

Душа узнает то, что знает Бог.
Но лишь тогда, когда полюбишь.

Осыпается лес. Засыпает, шурша...
Конфетти устилает мой путь.
Облетает с деревьев и душ мишура.
Остаётся лишь голая суть.

Как вздетые руки в пролёты небес -
задрожавшие струны осин.
И звучит осиянной торжественных месс
тот осенний лесной клавесин.

Зимы лебединый балет
за окнами неопишум.
Мне сколько-то зим, а не лет.
Даруй свой серебряный свет!
Балуи леденцами сосулел!

Запушенный мячик-снежок
отдарится той же монетой.
Как звонок твой детский смешок.
Алмазный зубной порошок
отбелит улыбку планеты.

Не верится в пасмурь и хмурь
и слякоти липкую гадость.
Одна голубая лазурь,
и росчерк заснеженных бурь,
и чистая белая радость...

Разноцветное счастье лоскутное,
боль осколочная, минутная,
дней жужжащее веретено
и души потайное дно -
всё смонтируется в одно.

И, сама себе неизвестная,
оболочка спадает телесная,
скорлупа, кожура, чешуя...
Неприкрытая и ничья,
вот тогда только я — это я.

Мой мир первобытен и прост.
Там слышится «баюшки-баю»,

там травы встают во весь рост,
и звёзды к глазам подступают.

А дождик твердит, как урок.
Мне песенку эту босую
и мечет жемчужины строк,
а я их тебе адресую.

Это в белом конверте
ему пишет зима.

А.Кушнер

Мне пишет природа волной на песке,
чернилами рос на зелёном листке,

размашистым почерком вьюги шальной
и азбукой Морзе капли хмельной.

Как яблоко падает в руки само,
по адресу сердца слетает письмо.

На небе бумажном — заката печать.
И стыдно, и страшно ему отвечать.

Набираю этот номер снова
через годы, города и веси.
Я хочу сказать тебе лишь слово,
что все фразы сразу перевесит.

Знаю, под луной ничто не ново.
Истина порой бывает ложной.
Я скажу тебе одно лишь слово:
«Невозможно».

Когда скажу, что ни строки
не напишу до смерти -
то всяким клятвам вопреки
Вы этому не верьте.

Меж нами баррикады лет.
Но коль по бедорожью
не побегу за Вами вслед -
то это будет ложью.

Быть нам вечно порознь.
Так судил нам Бог,
Спохватилась поздно я,
сердце сжав в комок.

Рюмка водки с тоником,
лекции, режим...
Сделайте хоть что-нибудь,
чтобы стать чужим.

Последние взгляды лета
ловлю влюблённо.
Сыграет мне флейта леса
ноктюрн зелёный.

Пока ещё холод редок,
но блёкнут краски.
Скажите же напоследок
хоть слово ласки.

Не нужен муляж из тепла и участия.
Согреться нельзя у чужого огня.
Несбыточный друг, незакатное счастье,
спасибо, что мне подарили меня.

Растает мираж превращений чудесных,
но хочется верить всему вопреки:
когда захлестнёт меня звёздная бездна -
схвачусь за соломинку Вашей руки.

Не прошу я милости у Бога,
не молюсь на глупую звезду.
И от Вас хочу я так немного,
а точнее — ничего не жду.

Жду, когда окончится брожение
и кружение в шарике земном.
Ослабеет Ваше притяжение,
и взмахну свободно я крылом.

Не настигнутый биотоками,
мною не встреченный в час земной -
по-высокому, по-глубокому,
человечески будь со мной.

Голова уже не закружится,
жизнь — вот ужас-то! - позади...
Не по-мужески, а по-дружески,
просто так со мной посиди.

Вот слова мои откровенные.
Вот душа моя — на, возьми.
Это самое драгоценное,
что бывает между людьми.

Ах, оставьте шаблоны речей
для случайных подруг и знакомых.
Вот от сердца Вам связка ключей -
заходите, живите, как дома.

Пусть для нас не поют соловьи,
никакого надрыва — обрыдло!
Постучите. Скажите: свои».
Здесь для Вас всё навеки открыто.

Моим посланьям тёплых гнёзд
не свить у Вас в душе.
Зане дарю пригоршню слёз
и звёзд в Большом Ковше.

Оттуда смотрят сотни глаз,
и мы для них — кино.
Есть что-то, к счастью, выше нас,
и греет нас оно.

Бессюжетная жизнь, словно рельсы, узка.
Безбилетная мается в сердце тоска.
Безотчётное чудо рыдающих месс
и бесплатные звёзды, как слёзы с небес.

Вот и всё, чем богата, чем душу храню,
что сто раз убиваю в себе на корню.
И безжизненный свет безответных небес
означает, что нету на свете чудес.

Хоть горшком назови,
только в печь не ставь.
Поговорка

Я не поэт, что б там ни говорили.
Люблю картошку, а не крем-брюле.

У моего Пегаса нету крыльев.
Он, как и мы, ступает по земле.

Я не поэт. Я алиби имела:
готовила, стирала среди дня.
И в это окровавленное дело
я вас прошу не вмешивать меня.

Я не поэт. Какие тут обиды!
Как сухостой, суха прямая речь.
Но знаю, как меня ни назови ты -
не миновать пылающую печь.

Ночь в слезах, как в своём соку.
Наступает сухое завтра.
Обменяю тоску на строку -
вот такой я устрою бартер.

Чад чернухи, чумной чепухи,
все свои нутряные недра
обменяю на эти стихи
и, как пепел, развею по ветру.

Вы доведёте до ручки, до точки -
вечно шуршащие, как камыши,
вечно исписанные листочки -
вечнозелёные деньги души.

Снова станок свой включаю ночами.
Что из того, что они не в цене?
Оттиски счастья, любви и печали...
Как хорошо вы горите в огне.

Под луной ничто не вечно.
Светится таинственно
неба сумрачное нечто
в обрамленьи лиственном.

А внизу, под сенью кровя -
дней труды и подвиги.
Бурый лист, как туз червовый
мне слетает под ноги.

Ночь земле судьбу пророчит,
карты звёзд рассыпала...
Жизнь живёшь не ту, что хочешь,
а какая выпала.

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Как с забытых вымерших Галактик -
из небытия всплывают дни.
И опять иду я как лунатик,
на твои болотные огни.

Снова незапятнаны одежды,
всё подвластно почте и мечте.
Гаснут звёзды — маяки надежды.
Только сердце светит в темноте.

Любовь начинается с Красной строки,
с неясного слова, с горячей руки,

с дрожащего сердца, с мерцающих слёз,
с луны, затерявшейся в крошечке звёзд.

Любовь продолжается, как запятой,
прерывистой речью, тропинкой витой,

манящей в глубины дурманящих рощ,
зигзагами молний, пронзающих дождь.

Любовь оборвётся, меняясь в лице,
свинцовою точкой, как пулей в конце.

Что случилось со мною весной,
этой полночью дымчато-сладкой?
Я ночной озаряюсь луной
и моей молчаливой догадкой.

Афродита, дурман, забытьё...
Я вступаю в последнюю фазу.
Так игольчато иго твоё,
новорожденно, зеленоглазо.

Подставлять свою душу ножу,
целовать ненаглядные цепи...
Я ей верно и вечно служу,
возвожу в бесконечную степень.

Ты соблазном меня не зови —
Люцифер, племя дьявола, Воланд!

Я не выйду из круга любви,
из сердечного света — на холод.

Жила я, хранима крылом херувима,
была нестибаема, неуязвима.

Но разом лишилась покоя и воли,
согнувшись под тяжестью радостной боли.

Как будто над нами пронёсся цунами...
Обманута песней, обманута снами,

сижую, разбавляю чернила слезами.
Плохую услугу Вы мне оказали.

А может быть, это одно лишь от века,
что можно ещё оказать человеку?

Вот гудок... ещё гудок...
И сейчас я буду с Вами.
Пью целебный холодок
пересохшими губами.

Словно путник у реки,
умирающий от жажды,
несмотря и вопреки
забретаю в реку дважды.

Мир на кончике пера...
Мне ведь многого не надо.
Я согреюсь у костра
за девятым кругом ада.

Вы укрылись за межой,
где заснеженные зимы,
с неразбуженной душой,
саркастический, чужой,
фантастически любимый.

Любовь без жестов и без тостов,
из тех, что и слепа, и зла.
И нет милее крошки чёрствой —
щедрот от барского стола.

Любовь без фактов, без сюжета,
она творит себя сама,

случайной фразой согрета,
небрежной строчкою письма.

Любовь без текста, без ответа...
Не то, чтоб тема не нова,
а просто с ней не надо света,
она сама собой жива.

Не верьте тьме расхожих истин -
она и зряча, и добра.
Горят сердца, горят, как листья.
И сладок дым её костра.

Любовь без ответа. Вернее, ответ без вопроса
застывшей зарницей на небе всё длится и длится.
Душа под запретом. Туда не ворваться без спроса.
Заочные чувства, которым так нужно излиться.

Они не подвластны ни злым холодам, ни обману,
и сколько ни трать — не дано их вовеки растратить.
Любовь — только повод к работе души неустанной,
а он многолик и, как эхо, всегда многократен.

Живу под гнётом Вашей немоты,
под тяжестью глухого неответа.
Но и в обмолвках ненарочным «ты»
лежит родства невидимая мета.

Не отвечайте — так ещё больней.
Я - дерево, что Вам шумит навстречу...
Вы — общий знаменатель дел и дней,
Вы — русло для моей безбрежной речи.

Вы — форма, пограничные тиски
для бурной и безудержной стихии.
Вы — повод для печали и тоски,
Вы — то, из-за чего пишу стихи я.

Я непрестанно думаю о Вас
под музыку Божественного гласа
и трачу заповедные слова
из неприкосновенного запаса.

Вот записи моих последних лет,
как бюллетень, история болезни.

Всё тот же признак, тот же прежний след.
Лечение чем верней, тем бесполезней.

Пусть Ваше сердце взято под запрет
и боль его не пробует на крепость,
и сон моими снами не согрет,
пусть это слабость или даже слепость, -

всем круглым одиночеством луны,
всей высью Джомолунгмы и Синая,
всей дрожью моря, криком тишины
я обнимаю Вас и заклинаю:

не променяйте первенства души
на чечевицу бытовой похлёбки,
не промельчите то, чем дорожим,
на ум оглядки, мелочный и робкий.

Холодный май черёмухой пропах...
Я знаю, все бессонницы когда-то
кончаются губами на губах
и очной ставкой душ и тел распятых.

Всё в мире изменяется, течёт,
но неизменен путь высокий, Млечный.
Не принимайте же на личный счёт -
что на другой направлено, на вечный.

Когда же мне придёт черёд не быть
и облаком лететь куда-то мимо,
я и оттуда буду Вас любить
любовью лютой и неуголимой.

От сиреновой страсти обуглясь,
я разбилась на части об угол
Ваших губ — несгибаемой складкой...
Я останусь кричащей заплаткой
Вашей жизни, случайной закладкой.

Но мне это не горько, а сладко.

Я приду к тебе по лезвию ножа.
Сердце вздрогнет под ударами дождя.
Будет боль моя по-юному свежа.
«Ах, какое, скажешь ты, ещё дитя.»

Я открою тебе душу без прикрас,
запыхавшись от полуночной ходьбы.

И когда пробьют часы двенадцать раз -
сердце вздрогнет под ударами судьбы...

Полнолуние

О луна, золотая мумия,
забери меня в звёздный рай!
Полнолуние. Полноумие.
И душа уже — через край.

Золочёное одиночество...
Выше этого — только Бог.
О луна, самое Высочество,
забери меня в свой чертог!

Как окошечко во вселенную,
как мерцающий нимб у лба...
До чего она совершенная,
завершённая, как судьба.

Дай мне, Боже, вот так же свеситься
над тобой головой хмельной,
из ущербного лика месяца
округлённую стать луной.

Не смиряя в груди Везувия,
припаду я к тебе в тиши...
Полнолуние. Полоумие.
Половинка моей души.

Наши бедные глупые головы,
наши голые души в крови...
Льётся в глотку расплавленным оловом
смертоносное слово любви.

Откровение, самозабвение...
Их побольше на нашем веку б!
Чтоб, немея, застыли мгновения,
сохранив очертания губ.

Любовь — всегда протянутые руки,
хватаящие воздух голубой.
К многостраничной хронике разлуки
бесплатным приложением — любовь.

Она совсем не малость и не милость,
не в силах совладать сама с собой.

Любовь в моей судьбе не уместилась
и улетела в сумрак голубой.

Я всё о том же, об одном.
Ну что поделаться с этим делом:
один — ни духом и ни сном,
другая — и душой, и телом.

Он равнодушно говорит,
в глазах надменность и усталость.
А ей — в подушку до зари.
И это всё, что ей осталось.

Но там, у неба на краю,
коснутся ангелы перстами:
их души встретятся в раю
и поменяются местами.

Моя любовь тщетна, тщедушна.
Ей не даны на Вас права.
Я шлю Вам поцелуй воздушный,
как шарик детства и родства.

Даю лишь руку Вам несмело,
ответной чувствуя тепло.
К душе прислушивалось тело:
там что-то таяло и пело.
Светало. Но не рассвело.

Без пяти минут любовь.
Не хватает малости:
радости, чтоб грела кровь,
ласковости, жалости.

Как бенгальские огни,
искрами манящие.
Пусть красивые они —
но ненастоящие...

Интердевочке

Судить её судом примерным
не подымается рука.
В душе, как лифчик, безразмерной,
всегда есть место для плевка.

Свободен путь. Открыты шлюзы.
Не захлестнёт волной стыда.
В иллюминаторы иллюзий
ей не глядеться никогда.

О, тут бессильны предписанья.
Как урну, душу приготовь.
Её удел под небесами –
членистоногие касанья,
четырёхстопная любовь.

О, моя любовь неосторожная,
невооружённая, острожная,
обоюдоострая, преступная,
непереводная, неподкупная.

Не грози, судьба, мне хмуро пальчиком.
Ну, слаба я, дура, с этим мальчиком.
Пока есть луна и светит солнышко,
буду я верна ему до доньшка.

Арифметика

Всю жизнь на до и после
отныне я делю.
Вчера — темно и постно.
Сегодня — во хмелю.

Вчера ещё не вправе
была тебя обнять.
Сегодня я в угаре.
И это — не отнять.

Помножим солнце марта
на звёзды до утра...
Сегодня — это завтра
за вычетом вчера.

Геометрия

Дано: стихи, тоска, вино.
И надо доказать,
что стоит жить, смотреть в окно,
и мыслить, и страдать.

Хоть от себя нам не уйти -
уныние гоню.
Я геометрию пути
ломаю на корню.

Пусть время бурное в крови
начнёт иной отсчёт
и биссектрисою любви
мой путь пересечёт.

Взошло светило, сжалившись над рощей,
всё осветив прожектором судьбы,
и в шупальца лучей, как куры в ошип,
попались мы и сдались без борьбы.

Пред этим светом наивысшей пробы
предстало всё фальшивым, как в кино.
Мы лишь подобья, жалкие надгробья
над тем живым, что умерло давно.

Ночи чёрный крепдешин
в дырах звёзд.
Тонкий плащ моей души
сыр от слёз.

Я дрожу в руках дождя
у окна.
В этом мире нет тебя.
Я одна.

Ночи чёрный крепдешин
в дырах звёзд.
Кто-то стёр любовь с души,
как нарост.

Без задоринки она
и сучка.
Пустота глядит одна
из зрачка.

Всё, от чего морщилась –
принять.
Что в душе топорщилось –
примять.

То, на что надеялась –
забыть.
А чему затеялось –
не быть.

Вместо златокрылых
слов любви
бормотать уныло:
«се ля ви».

Летом — пылью, в зиму — снег заносит,
словно бы и не было на вид,
ливнем заштриховывает осень...
Но опять весна одушевит.

Как ни уповай на бром и кальций,
как ни мучай душу, ни кабаль,
но прорвётся зайчиком сквозь пальцы
и травинкой чахлой сквозь асфальт...

Вы смотрите глазами нелюбви.
А мне казалось, до неё так близко...
Не вызовут волнения в крови
ни зов звонка, ни взгляды, ни записка.

Пустой рассвет на сердце упадёт.
Сожмётся мир шагреновою кожей.
Я знаю, всё когда-нибудь пройдёт.
И всё-таки не верю в это, Боже.

Прошу к столу. Вот кофе, вот буше.
А вот шашлык. Довольно мы постились.
А впрочем, хватит. Вы в моей душе,
мне кажется, довольно загостились.

Я обману страдания свои,
не сердцу, а уму их предназначанча.
И пусть хоть разорвутся соловьи,
которые для Вас ничто не значат!

Оставайся дальше невлюблённым,
не сгоревшим на огне дотла.
Оставайся неодушевлённым,
не узнавшим моего тепла.

Неба не увидевшим в алмазах,
тайны не изведавшим греха,
Богом не целованным ни разу,
не воспетым музыкой стиха.

Дай тебе не знать сего мытарства
и коня за царство обрести.
Чтобы — ни трагедии, ни фарса -
чао, мальчик. Бог тебя прости.

Будешь жить без нимба и без трона,
без урона своему уму.
Голова важнее, чем корона.
Оставайся, я тебя не трону.
Но зачем живёшь ты — не пойму.

Так кто же Вы? Любимый враг?
Иль друг нелюбящий, но милый?
Антихриста нечистый зрак
иль облик ангела унылый?

И как мне быть? Или не быть?
Что ложно здесь? Что непреложно?
Мне невозможно Вас любить.
И не любить Вас невозможно.

«Он перестал у нас бывать...»
Бывать — одна растрava.
Бывать — как будто проживать
лишь временно, без права.

Бывать — плевать. Калиф на час.
Без визы, без прописки.
Лишь — быть! И присно, и сейчас!
Когда он самый близкий.

Я разучилась чувствовать, как все.
Случилось что-то странное со мною.
Передают: осадки в полосе.
А я, как речка, высохла от зноя.

На юг и север, на добро и зло,
на да и нет весь мир сейчас расколот.
По «Маяку» сказали, что тепло.
А у меня внутри могильный холод.

Я в этом мире только случай.
Черты случайные сотри.
Земля прекрасна, только лучше
я буду у неё внутри.

Мне всё здесь говорит: умри, -
серп месяца, клинок зари,
кашне из прочного сукна
и чёрное жерло окна.

Любое лыко — злое лихо -
страшит неприемлемостью мер.
Шекспир подсказывает выход,
и Вертер подаёт пример.

В спасенье от земного ада
так сладко кровью жил истечь.
Задуй свечу. Не надо чада.
Поверь, игра не стоит свеч.

Но вот один глоток любви -
и всё мне говорит: живи, -
улыбка месяца, весна,
душа открытая окна.

Здесь всё заросло тобою,
как пыльной разрыв-травой.
Над головой голубое
становится синевой,
потом чернеет, как сажа,
луна лежит на боку.
А я всё с травой не слажу:
всё глажу её и глажу,
шершавую, как щеку.

Только камни-голыши
в закромах моей души.

Лягут тяжестью на дно...
Не отвяжется Оно.

От заездившей тоски
не уедешь на такси.

А немилый сердцу мир -
он везде и сер, и сир.

Я сама не своя и не Ваша.
В чахломе воздухе веет тоской.
Чёрной охрою вечер окрашен,
и надежды уже никакой.

Жизнь банальна. Белок да клетчатка.
Ничего не хочу и не жду.
Небесам я бросаю перчатку
и земле объявляю вражду.

То, о чём молчать дала зарок,
что дороже воздуха и хлеба,
то, о чём кричали с первых строк
утро, птицы, провода под небом,

то, что червоточило и жгло,
обглодав почти до основанья, —
то меня оставило, ушло,
без следа, без слова, без названья.

Любовь, отбой! Долой порфиры.
Проигран твой последний бой.
И тот, кто был дороже мира, —
неотличимый, как любой.

Стихи — как надписи на плитах
о тех, кто жил и был любим.
Как поминальная молитва
по душам всех, о ком скорбим.

Забывтый призрак воскрешая,
они пунктиром метят путь,
в цветы метафор обряжая
и обнажая плоть и суть.

Ещё зарубка, как нашивка.
Я боль уламываю, длю.
А если это и ошибка —
её, как истину, люблю.

Пускай ослепну на свету я,
пока пряду надежды нить, —
любовь, как книгу золотую,
как музыку, не объяснить.

Настанет Судный день рождения,
и жизнь моя, пройдя свой круг,
в последний миг освобождения,
как птица, вырвется из рук.

Стихом хмельным, сомнамбулическим
я запишу свой крестный путь...
Любовь моя, твоё Величество,
и там меня не позабудь!

БОГОПРОТИВНЫЕ СТИХИ

У Бога — в цейтноте.
Ему не видны.
Но все на учёте
у Сатаны.

Ах, мне бы, ах, мне бы
понять их разлад:
безбожное небо,
божественный ад.

В елее молитвы
стоять со свечой,
а после — на битву
огнём и мечом?!

Поклоны иконам
неистово класть -
и тут же законно
убить и украсть?

Все спекулятивные
игры плохи.
И богопротивные
зреют стихи.

О, славьтесь, химеры,
и вечно, и днесь!
Безверья и веры
гремучая смесь.

Зазвенело утра серебро
в птичьих трелях, в гомоне трамвая.
Будет день, и пища, и добро.
На Творца, увы, не уповаю.

Прошлый день из памяти сотру,
там, где мне досталось на орехи.
По кусочкам душу соберу,
подсчитаю шишки и прорехи.

Даже если утро невзначай
совпадёт в душе с началом ночи,
всё равно скажу ему: «Встречай!
Хочешь ты того или не хочешь».

Завоюем этот дикий день!
Скакуна пришпорю я, взлетая.
«Добрый день! - приветствую людей. -
Принимайте в вашу волчью стаю!»

Земля — наш дом, который Бог покинул.
Забыло небо цвет свой неземной.
Который год, который век уж минул,
а всё никак не встретиться с весной.

Душа — потёмки, как письмо в конверте,
которое не следует читать.
Любовь не стоит слов. Не стоит смерти.
Страшнее кары эта благодать.

Я говорю, как дерево листвою,
доверив горло ветру и листу.
О неба нищета над головою!
Весь мир тщета, как выкрик в пустоту!

Ужель судьба, душою кровотока,
среди чумы творить свои пиры?
И нежность тем давать, кто взять не хочет,
и тем дарить, кто оттолкнёт дары?

Где же Бог? Я объявляю розыск.
В закромах небесных — никого.
Вот уже составлен фоторобот —
смутный абрис облика его.

По церквам, как призрак, колобродит,
щурится с иконы из угла.
Говорят, мы все — его отродье.
Отчего же в мире столько зла?

Ты далёк от нашей жизни, Боже.
Непонятен наш тебе язык.
Ведь Святому Духу знать негоже
грешного познания азы.

Всех оплёл ты паутиной тонкой.
Расскажи сквозь пелену веков,

как сумел слезинкою ребёнка
напоить стада большевиков?

Расскажи про войны, моры, глады...
Мне не различить в тумане дня:
то ли это свет твоей лампы,
то ли отсвет адова огня.

В чистом небе облако печали
обагрит заката полоса.
Твой пречистый облик изначальный
покраснел, как эти небеса.

В душу, словно в яблочко, ты метишь.
Сладок и призывен твой рожок.
А ведь, разобраться, ты — лишь фетиш,
миф, мираж, бессмысленный божок.

Убери елейное кадило,
выбрось бутафорскую прашу.
Все обиды я тебе простила -
разочарованья не прощу.

Бог, или как там ещё тебя,
дай мне визу в бытие иное!
Тошно в этом обществе жлобья,
хоть и мне не чуждо всё земное.

Неужели песня умерла?
Где-то жил на свете бедный рыцарь...
Золотятся в небе купола
и душа, как иней, серебрится.

Господи, надеюсь, что Ты есть,
и твой белый флаг над нами реет.
Как отвага, нравственность и честь
небо никогда не устареет.

РОДИНА КРОМЕШНАЯ МОЯ

Некогда бескрайняя, безбрежная,
а теперь сужаются края.
Бедная, безбожная и грешная,
родина кромешная моя!

Продолжай кормить меня обманами,
забирай последнее на чай.
Душу выворачивай с карманами
и, что заслужила — получай!

Боль незаживающая, мутная
и ежеминутная в груди.
Родина, беспутная, валютная,
ты за всё, за всё меня прости.

На перекрёстке двух эпох,
как на трапедии, стою.
И там — обман, и здесь — подвох.
Смотрю, запрятав крик и вздох,
свою страну не узнаю.

Не то чтоб я — за ловлю блох,
и мир не так уж в целом плох,
и всё равно не быть в раю...
Навис над Родиной сапог.
На перепутье двух эпох,
как на голгофе, я стою.

1991

Ни Онегина, ни Ленского,
только Чичиковы сплошь.
То афганская, чеченская,
то реформенная ложь.

Всё отравлено, загажено,
всё чужое, не моё.
Души мёртвые обряжены
в заграничное тряпьё.

Нет, не вечное, а вещное.
По одежке — не уму.
Солнце только померещилось -
и опять ушло во тьму.

Ни Онегина, ни Ленского...
Бьётся строчка у виска.
И какая-то вселенская,
декадентская тоска.

1996

Новые русские

Сергею Круглову

Ещё молитвы шепчутся губами,
а уж в уме считается навар.
Нательный крест, как револьвер в кармане,
есть непреложный их аксессуар.

Жлобы, проныры, воры, рэкетеры -
для этой своры звёздный час настал.
Грязнее привокзального сортира
их тщательно отмытый капитал.

Все сто пудов пошлятины и мата
и лишь одна извилина в мозгу,
немногим отличая от примата...
Довольно. Хватит. Видеть не могу.

1996

Читаю случайные встречные лица
замотанных женщин, спешащих мужчин.
Как много историй могло бы излиться
из жестов и взглядов, гримас и морщин.

Как мало любви, осенённой богами,
как много в глазах накопилось тоски.
Порою с испугом, порой с содроганьем
читаю я повести судеб людских.

И, встретившись взглядом, глаза прикрываю,
как будто повинна я в этой вине.
Глядит из толпы, из вагонов трамваев
страданье, которому имени нет.

Минутные мины, мелькнувшие мимо,
загадочным миром вдогонку маня...
Они залегли, затаились, как мины,
чтоб после взорваться в душе у меня.

В булочной

Старушка шептала, купюры считала.
Совсем ей немного на хлеб не хватало.

Я быстро ей сунула денежку в руку,
чтоб только не видеть старушечью муку,

и тут же смешалась с толпой магазинной.
Но глянула мельком — и сердце пронзило:

так губы дрожали и дрожь её била —
ведь я той подачкой её оскорбила!

Как стыд меня жёг, я себя проклинала!
И долго потом её взгляд вспоминала.

Промчалась зима, а за нею и лето.
Я снова иду мимо булочной этой.

Смотрю — у дверей притулилась старушка
в дырявом пальтишке с облезлой опушкой,

и жалко на хлеб у прохожих просила:
«За ради Христа...С вами крестная сила...»

Та самая. Встретиться взглядом не смею.
Но что же судьба за год сделала с нею?!

Та нищая гордость и глаз её холод —
всё съел, обглодал унижающий голод.

И голос смиренный в привычных моленьях
уже не умел различить оскорбленья.

В натруженных пальцах тщедушно, неловко
сжимала она, как цветок, сторублёвку.

И, встретившись взглядом, глаза опустила.
Узнала? Прочла мои мысли? Простила?..

1995

Встреча

Она была с утра уже поддатой
и плакал по ней чуточку дурдом.
Мы вместе с ней работали когда-то.
Теперь её узнала я с трудом.

Сейчас она бутылки собирает
и проклиняет нынешнюю власть.
Она уже совсем дошла до края.
(Заплакала и выругалась всласть).

Ходила к участковому недавно:
её убить грозился рэкетир,

который контролирует как главный
и сквер, и магазины, и сортир.

А дочка безработная на шее,
едва хватает на кефир и хлеб.
Вчера она была у ворожеи,
и та сказала: «Всё в руке судеб.»

А я гляжу в её глаза косые
и пробирает медленная дрожь.
Ах, что с тобою сделали, Россия!
Зубами только скрипнешь да пойдёшь.

На языке бульварных площадей,
базарных перебранок меж людей,
очередей — со мною говорила
простая жизнь народа без затей.

И мне хотелось быть такой, как все.
Не пятой спицей в общем колесе.
Не о красе земного мира думать,
а, как и весь народ, о колбасе.

Я от прекраснодушия лечусь.
Ненормативной лексике учусь.
И чувствую: ещё совсем немного -
и я пойму умом родную Русь.

Стихи в защиту таракана

Завелись на кухне тараканы.
Не едят травильную кашу.
Может, завести на них капканы?
Или просто с ними подружиться?

Не морите тараканов, братцы!
Каждый хочет жить на этом свете.
И потом ведь, если разобраться,
и у тараканов тоже дети.

Для чего-то тараканье племя
сотворила в древности природа.
Как бы ни давили их всё время -
не скудеет вечная порода.

Может, из-за травли этих бестий
на земле какой баланс нарушен?
Может, наши беды — лишь возмездье
нам за их погубленные души.

Пышно взбиты сливки облаков,
солнце рдеет яблоком румяным.
Выбирай, страна большевиков,
главаря, пахана, атамана!

Кровью обогрѐнная заря
нас разбудит выстрелом «Авроры».
Вновь шеренги выстроятся в ряд,
загремят тюремные затворы.

Будет дрессированный пиит
петь одни дозволенные песни,
а окно в Европу заслонит
занавес, что уж изъела плесень.

Барабанный бой заглушит вой.
Тот, кто был ничем, тот станет в силе.
И вздохнѐт от зависти живой
к тем, кто успокоится в могиле.

Когда придут опять большевики,
то памятники вытеснят ларьки,

воспрянет сброд под именем народ,
и гласности опять закроют рот.

Знамѐна славы, мира и труда
зальют всю площадь краскою стыда.

И гордо увенчает алый флаг
державу под названием «Гулаг».

Мы будем платить по кровавому счѐту
за всё, что лежит на Фемиды весах.
За преданный призрак крылатой свободы,
что вновь испарился от нас в небесах.

За то, что стыда позабыли надсаду,
за то, что отринули душу за хлеб,
отныне дорога, как быдлу и стаду, –
в казарму и стойло, в свинарник и хлев.

Междутурье

Господи, ни охнуть, ни вздохнуть...
Э.Рязанов

Плюнь, да поцелуй злодею ручку.
А.Пушкин «Капитанская дочка»

Скоро будем охать и вздыхать.
Впрочем, можно что-нибудь на выбор.
Господи, избавь нас от греха
выбирать меж леших и кикимор.

Как-то там говаривал Остап? –
И кобыла кой-кому невеста.
В лоб иль по лбу, этак или так –
подставляй какое хочешь место.

Раздвоилась Родина в глазах
на неправых левых или правых,
и наводит ненависть и страх,
как дракон, орёл её двуглавый.

Как ни плюй — а руку в урну суй,
пусть ты доведён уже до ручки.
Голоси, а всё же голосуй!
Плюнь, да поцелуй злодею ручку!

Только отольются им стократ
наши слёзы, наши охи-вздохи.
Выбирай судьбу, электорат!
И справляй поминки по эпохе.

Ты, Борис, конечно, прав,
совесть властью вновь поправ.

А народ? Народ не рад.
Вымират электорат.

1996

Без работы нынче Дон-Кихоты.
На простое ветряные мельницы.
Мы — рабы идеи и свободы.
Ничего у нас не переменится.

«Что ты будешь есть, – тебя спросила, –
кашу овсяную или манную?»

Ты ответил: «Это равносильно
выбору меж Ельциным — Зюгановым.»

1996

Что нас держит в сём мире утробном?
Нет ни пряника и ни кнута.
Крышка неба над городом-гробом,
а за ней — пустота, пустота.

Горький голод по кличу, по зову
птичьим клином врезается в высь.
Сиротливое съёжилось слово
и подёрнулась плесенью мысль.

Миновало, прошло, просвистело,
ни души, ни пути, ни огня...
Скалит зубы рассвет пустотелый,
гложет холод грядущего дня.

Этой грусти с закатом в полнеба,
что горит над моей головой,
на весь мир бы хватило вполне бы,
и ещё бы осталось с лихвой.

Жизнь жмёт в плечах,
заходится в речах,
не уместаясь в клетке календарной.
И, расщепляя атомы души,
меняет золотые на гроши
и кажет лик товарный и бездарный.

На птичьем языке своей любви
его ты понапрасну не зови —
здесь внятен звук совсем иных наречий.
Молиться станешь — Бог не снизойдёт,
а песня кровью горла изойдёт.
И только смерть всегда идёт
навстречу.

Идёт погоня за душой,
идёт погоня.
О, как же жаждет мир брюшной
её агоний!

Приказ составлен был в верхах
и подытожен:
«Поймать её! Повергнуть в прах!
Растлить святошу!»

Она жива собой сама,
она невинна.
Но комья грязи и дерьма
летят ей в спину.

Бомбят её клочки газет
и клочья сплетен.
И мчатся кони ей вослед,
их гонят плетью.

Идёт погоня за душой,
всё ближе дали.
Но снова лажей, как вожжой,
они достали.

Вещают сотни подлецов
на всех каналах,
чтоб никогда она в лицо
себя не знала.

И нас тошнит уже лапшой
почти до рвоты.
Идёт погоня за душой.
Идёт охота.

Бездушен облик нелюдей –
вождей в законе.
И от предчувствия гвоздей
болят ладони.

Её хватают на лету
и вяжут крылья.
(Когда-нибудь на тему ту
напишут триллер).

Слились в людской единый шлак
волы и волки.
– Прощайте, люди! Я ушла.
Живите долго.

Ненужный ангел, всем чужой,
её заждётся...
Утешен будешь не душой,
а чем придётся.

Что грело нас сильней огня,
увы, отныне
зимы укроет простыня,
пожрёт пустыня.

Пусть спит душа в её груди
до смены века.
Пока поэт не возродит
в нас человека.

До свиданья, крутая эпоха,
без руки, без слезы и без вздоха.
Лучше чашу полнее подлей.
Аферистка, хапуга, пройдоха,
нам бывало порой в тебе плохо,
но ещё не бывало подлей.

Век лапши, позавесившей уши,
век душителей нищих старушек,
свои бледные души закрой!
Так прощай, девяносто минувший,
обокравший нас и обманувший,
и да здравствует голый король!

1995

ЖИЗНЬ, КОТОРАЯ МНЕ СНИЛАСЬ

Я соловей, что кормится лишь баснями.
Небесный хлеб души дороже хлеба.
Не правда ли, что может быть прекраснее
распаханно-распахнутого неба?

От мира не сего моё пристанище,
где снов нецеломудренное царство.
Я пью напиток млечный и дурмящий,
как сладко-бесполезное лекарство.

На дно души спускаюсь я во сне.
Там русла рек моих существований.
Там смутный голос будет бредить мне
в божественной свободе и нирване.

Есть в сутках жизни заповедный час,
когда иное видит глаз и сердце.

И в вечность, недоступную для нас,
с протяжным скрипом поддаётся дверца.

Там оживает прошлогодний снег,
там конь крылатый напрягает жилы...
И всё, что ни приснится в этом сне, —
всей жизнью будет неопровержимо...

Я — Кассандра, слепая провидица,
в колесе Вашем пятая спица.
Что за сны Вам сегодня привидятся?
Или, может быть, тоже не спится?

Как короной, луною увенчана
полночь в звёздном своём покрывале.
И дрожит одиноким бубенчиком
мой секрет, не разгаданный Вами.

Внутри, на той свободе сна,
где Вы мне ближе всех,
парит, горит моя весна
и греет, словно мех.

В миру нас душат сушь и глушь,
но есть иная высь,
и на приволье наших душ
так весело пастись.

Резвясь беспечно и светло,
не ведая крови,
звения бубенчиками слов
привета и любви.

Ещё не явь... Ещё предсонье...
Не подымая грешных глаз,
молюсь на Вашу колокольню,
преувеличиваю Вас.

Ещё Вас нет в судьбе и в песне,
но там, на подступах к мечте,
между землёй и поднебесьем,
на зыбкой грани душ и тел...

Я грежу... Погружаюсь в царство...
Лазурна вязь из-под пера.
Какое, право, святотатство -
любить с утра! (как пить с утра).

Ещё не явь... Но пуще, пуще,
всё нарастая и слепя,
взовьётся ввысь фонтан поющий
и вспаивающий сам себя.

И гордый разум мой немеет,
и блага блёклы и бедны
пред тем, что вовсе не имеет
значенья, смысла и цены.

Влечение, таинство, наитье,
смешенье музыки и сна...
Но полно...Тс-с! Спокойно спите.
Вам ни к чему об этом знать.

Даже в летучем несбыточном сне
не захотите присниться.
Смотрит бесстрастная — не по весне —
неба пустая глазница.

Снова судьба предлагает клише.
Прочь, сатана, изыди!
Я занавешу угол в душе,
чтобы никто не увидел.

Поверх барьеров и наречий —
не друг, не суженый, не муж —
прошу тебя, назначь мне встречу
на перекрёстке наших душ.

Назначь мне встречу у аптеки,
где улица, фонарь и дом,
в любом году, пространстве, веке,
на этом свете иль на том.

Среди дорог, ведущих к храму,
иль на полях заветных книг,
во сне несбыточном и странном —
назначь мне встречу хоть на миг...

Моток из несбывшихся снов и надежд
распутая и разматаю.
И вот уже в облаке белых одежд
над сумрачным миром взлетаю.

Взмываю, как голубь бумажный, легко,
как к Господу Богу записка.

И то, что болело — уже далеко.
А всё долгожданное — близко.

То, что может только сниться —
воспарит в пролёт судьбы.
Как серебряная птица
над несбывшимся, над «бы».

Как мираж, тоску о чуде
не испытать и не избыть.
Навсегда со мной пребудет
то, чему вовек не быть.

С полувзгляда, с полуслова
в чуждом близость угадать.
Снова веровать готова
и последнее отдать.

Приснопамятная встреча,
полусказка, полусон...
Наши взгляды, наши речи —
словно песня в унисон.

Но полярное сиянье
обожжёт одну в тиши -
обманувшее слиянье
полувстреченной души.

С утра в моё жилище
газеты волоку.
Глаза привычно ищут
знакомую строку.

Храню в душе цитаты,
как тайное родство.
Подписчица, читатель,
не более того.

Перо — роскошней пира
не видел свет ещё!
Вы — достоянье мира,
а стало быть, ничьё.

Но там, в подспудных мыслях
и в неподсудном сне,
в каком-то высшем смысле
принадлежите мне.

Снова не отогреться
мне на костре зари.
Что-то стучится в сердце
и требует: отвори.

Как я их ни давила –
снова плотину снесло,
хлынула слов лавина
из заповедных снов,

сказанных неосторожно
в бреду или во хмелю...
Сплету я из них дорожку
и под ноги постелю.

Дорожку от сердца к сердцу –
даром, что далеки.
Мы ведь единоверцы,
однопланетники.

Сон запоздалый, непрошенный
снится украдкой, тайком.
Нежности малой горошины
не спрятать под пуховиком.

Чувствую ныне и присно я
процесс от её тепла,
хоть никогда капризною
принцессою не была.

Снова мне в душу колетя
и просит: «Проснись, поверь!»
Нежность, моя бессонница,
ты самый жестокий зверь.

Полые дни, пустотелые ночи,
бедные бури в стакане воды.
Лета течёт и стихами бормочет,
и размывает Ваши следы.

Цвет облаков на чернила помножу
и ароматом беды окроплю.
Ведомо травам, как они схожи –
запах отравы и слова «люблю».

Где-то во сне затерялся Ваш облик.
Стиснули зубы полярные льды.
Алый корабль с парусами потоплен
жалкою бурей в стакане воды.

День никакой (декабря? марта?),
мертвенный свет (ночника? фонаря?).

Кто-то коснулся (рукою? душой?).
Рядом проснулся (любимый? чужой?).

Манит золотое (перо ли? руно?).
Мне всё равно, всё равно, всё равно.

В эту ночь выли псы и немного знобило.
Я увидела сон, осязаемо-вещий, —
всех, кого я любила, кого не забыла,
и открылись мне горькие, страшные вещи.

Души мёртвых живее, чем мёртвые души
тех, кто нас всё равно никогда не услышит.
Нас прозрения мучат, видения душат,
но в ответ только дождь барабанит по крыше.

Одиночества яд — или просто аптечный,
лишь бы боль улеглась. Что нам мериться с нею?
Под землёй убаюкает дождь скоротечный.
Вряд ли там бесприютнее и холоднее.

Где же Тот, молчаливо всегда убеждавший,
что всё будет ещё, что могло быть иначе?!
Мы умрём, для себя ничего не дождавшись.
И о нас в небесах только ветер заплачет.

Я чувствую себя старинным замком,
в котором поселились Вы, как призрак,
простором комнат, как объёмом, замкнут,
где в каждой вещи есть намёк и признак.

Там тишина и нет запретной зоны,
ничто уединенья не нарушит.
И только сердце-колокол бессонно
звонит, звонит по нашим мёртвым душам.

Я ловлю последний отблеск мая —
ключевой глоток.

Вашей речи кожей ощущаю
мятный холодок.

Солнца луч, рассеянный и робкий,
прячется в ветвях.
Всё, что снилось, – вспомнится и вздрогнет,
затрепещет въявь.

Дрожь рассвета, щебетанье птицы
слышу не дыша.
И опять, как чистая страница –
старая душа.

Лето — это знойно, откровенно,
щедро напоказ.
Слишком это всё обыкновенно.
Лето не для нас.

Мне не надо приторного счастья.
Уходите в сны.
Буду ждать, как тайного причастья,
будущей весны.

Эта ночь адресована мне.
Звёзды множатся, как многоточия...
Продолжение сказки во сне
я увижу, услышу воочию.

Это Бог мне прислал письма
по ночному небесному адресу.
Я любимых своих имена
прочитаю по звёздному абрису.

Если ты одинок — не грусти.
Нам во сне невозможно не встретиться.
До свиданья на Млечном Пути,
на Большой или Малой Медведице.

СТИХИ О ТЕБЕ

Двенадцать лет ношу тебя в себе.
А если разобраться — много раньше,
когда жила в единственной мольбе:
«Осуществись, приди ко мне, настань же!»

Я помню наши краденые дни
и счастья непомерного усталость,

лесное лето, ленточку лыжни,
что в узелок навечно завязалась.

Я помню каждый лучик золотой
в тумане лет почти неразличимых.
И, может быть, наградой за то
мы до сих пор с тобой неразлучимы.

Живу под сенью губ твоих и глаз,
под крышей защищающих ладоней.
Неиссякаемый источник ласк
из глубины, которой нет бездонней.

Живу я не за каменной стеной –
за теплотой родной и кровной плоти.
Все реки жизни встретились в одной –
последнем на земле моём оплоте.

1996

Это счастье далось мне с кровью.
Трепетали ресницы трав,
ветер встрепанный бесконтрольно
демонстрировал дикий нрав.

И прижались тела и души,
как у Бога в одной горсти,
околесицу леса слушать
и такую же вслух нести.

Хлынул на плечи тёплый ливень,
выжег радугой всё дотла.
Я такую враздрыг счастливой
никогда ещё не была!

И запомнила день-виденье,
замечательный и большой.
Окончателность совпадения
с самой близкою мне душой.

Мы мечтаем о высоком
и стремимся вдаль за ним.
Ну а что всегда под боком –
то не ценим, не храним.

Закружило в вихре вальса
обручем любимых рук.

Пробил час. Сцепились пальцы.
На тебе замкнулся круг.

Отсверкали фейерверки.
Мне уже не быть одной.
Мерить мир иною меркой –
самой верной и родной.

В тесноте, да не в обиде,
вплоть до самого конца
мчать в карете по орбите
обручального кольца.

Моим хлопотам вверенный, небом доверенный,
во всех водах, огнях, медных трубах проверенный.

Мы друг другом наказаны, чаще утешены.
Наши судьбы, дыханья и сны перемешаны.

Ты моё повседневное и злободневное,
может, чуточку нервное, изредка гневное,

суматошное, нежное и вездесущее,
в общем, самое нужное, вечное, сущее.

Низкая истина

Тьмы низких истин нам дороже
нас возвышающий обман.

А.Пушкин

1

Лохматое, неприбранное счастье
без серенад, сонетов и свечей.
Браслеты не теснят ему запястья,
не режет слух возвышенность речей.

Домашний круг. Уютный отсвет лампы.
Банальнее картины не найти.
Но в личной жизни нам милее штампы
и низких истин торные пути.

2

Душу возвышающий обман
выигрышной правды неминдальной.

Феерии ждёт эротоман,
но любовь всегда документальна.

Словно в приближении конца
я люблю тебя напропалую.
В раме рук сплетённого кольца –
драгоценность милого лица,
где морщинку каждую целую.

Опять наговорила на червонец,
ни слова от тебя ни утая.
Я диск кручу, дуря от бессонниц:
ну как ты там, кровиночка моя?

Ты спросишь, что я делала? Любила.
В календаре вычёркивала дни.
Событья и слова тебе копила.
Всё подмечала, что тебе сродни.

Засыпан город весь осенней медью -
сердечки писем в дальние края...
Звучит в ночи сквозь бездны и столетья:
«Ну как ты там, кровиночка моя?»

Это так удивительно,
это так притягательно...
Ты — моё существительное,
я — твоё прилагательное.

Это — наидражайшее,
неописуемое...
Я — твоё подлежащее,
ты — сказуемое.

Мы - две системы, формы бытия,
с химически чужим составом крови.
Два полюса полярных: ты и я,
ужившиеся под единой кровлей.

Но для слепой провидицы-любви
мы — два магнита, слившиеся рядом.
Рождают электричество в крови
всегда разноимённые заряды.

Часы тихонько тикают: тик-так...
Опять с тобою за полночь не спим мы.

Мне никогда ни с кем не будет так.
Так нежно, так остро, так нестерпимо.

Мы, словно в чаще, замерли в тиши,
биенье крови в теле учащая.
Звериное тепло твоей души,
как собственную кожу, ощущаю.

Я люблю тебя всею своей подноготной,
всей своей наготой беззащитной, щекотной,
всем дрожанием губ и пожарищем щёк,
всем сиротством горючих ночей пустотелых,
всем немотством речей в своих снах оголтелых,
как сто тысяч сестёр не любили ещё.

Я люблю тебя... Дай мне продлить это слово,
словно чистый глоток ключевой, родниковый,
удержать в языке, как старинную ять...
Вопреки аксиомам извечных понятий,
среди холодных распятий, голодных объятий
необъятное снова пытаюсь объять.

Всего лишь жизнь отдать тебе хочу.
Пред вечности жерлом не так уж много.
Я от себя тебя не отличу,
как собственную руку или ногу.

Прошу взамен лишь одного: живи.
Живи во мне, живи вовне, повсюду.
Стихов не буду стряпать о любви,
а буду просто стряпать, мыть посуду.

Любовь? Но это больше чем. Родство.
И даже больше. Магия привычки.
Как детства ощущая баловство,
в твоих объятиях заключусь кавычки.

Освобождая сердце от оков,
я рву стихи на мелкие кусочки.
Как перистые клочья облаков,
они летят, легки и худосочны.

Прошу, судьба, не мучь и не страши,
не потуши неловкими устами.
В распахнутом окне моей души
стоит любовь с наивными цветами.

Господи, прости мне это счастье,
дай мне не очнуться никогда!
Я сейчас тебе открыта настежь,
как душа без тела и стыда.

Страхи, одиночества химеры,
равнодушья жалящая боль –
это было всё до нашей эры,
до того, как встретились с тобой.

До свиданья, то есть до страданья,
восходящим заревом в груди.
До очередного расставанья,
до грядущей смерти впереди.